

Руфин,
пресвитер Аквилейский

ЖИЗНЬ ПУСТЫННЫХ ОТЦЕВ

Руфин Аквилейский

Жизнь пустынных отцев

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=436345

Руфин, пресвитер Аквилейский. Жизнь пустынных отцев: Сибирская

Благовозвонница; Москва; 2010

ISBN 978-5-91362-294-5

Аннотация

Руфин, пресвитер Аквилейский, – церковный писатель IV века. Приняв монашество, он долго жил в египетской пустыне, где познакомился с великими подвижниками. Свой рассказ об отцах-пустынниках он предваряет словами: «Попытаюсь рассказать о каждом в отдельности... Они обитают в пустыне, рассеянные и разделенные по келиям, но соединенные любовью... ищут правды и Царствия Божия, и все это, по обещанию Спасителя, прилагается им... Некоторые из них молитвою останавливали стремительность рек, угрожающую затопить соседние селения, переходили по воде как по суху, укрощали лютых зверей и совершали многие и бесчисленные чудеса, напоминающие чудотворения пророков и апостолов, так что нельзя сомневаться в том, что их добродетелями стоит мир».

Содержание

Благочестивому читателю	4
Введение	17
I. Христианские подвижники до святых Павла и Антония	17
II. Святой Павел Фивейский	26
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Руфин, пресвитер Аквилейский

Жизнь пустынных отцев

Благочестивому читателю

После плачевного отпадения от Бога в человеке произошла печальная перемена. В нем образовалась тайная, безмолвная сила, непреодолимо влекущая его к земле, к благам и наслаждениям мира сего. Это было вполне естественно: не направляясь более вверх, к живому, святолюбящему Богу как к высочайшей цели желаний, дух человеческий по необходимости низвергается вниз, в мир земных благ, с беспокойно-страстным желанием наполнить образовавшуюся с удалением от Бога пустоту. И вот – нет конца и нет насыщения... Не насытится око зрением; не наполнится ухо слышанием, и вот – все суета и томление духа (Еккл. 1, 8, 14). Множество *конечных* целей никогда не удовлетворит духа с его *бесконечными* стремлениями.

Ни у одного народа это всецелое увлечение внешним миром не выразилось в такой яркой, вполне законченной – до художественности – форме, как у древних греков. Всеми силами души, всеми своими стремлениями они погружены бы-

ли во внешний чувственный мир, смотря на земную жизнь как на законченное целое и почти совсем не задумываясь о жизни вечной. Как дивно прославляли они блага земной жизни! Какая чудесная картина разворачивается пред нами в песнопениях Гомера! Земная жизнь человеческая во всех ее проявлениях предстает здесь пред нами, вся облитая лучами чарующей поэзии.

«Никогда земля и небо не сияют столь лучезарным блеском, как после грозы, бури и проливного дождя. Так и в песнях Гомера мы ощущаем как в целом, так и в частях – свежую, цветущую юность человечества» (Шеллинг). Весь мир полон дивной гармонии! Нигде нет разлада – ни в жизни природы, ни в жизни человеческой. Даже несчастья, даже слезы не портят того жизнерадостного ощущения, которое получается при чтении Гомера. Они лишь не более, как игра света и тени в чудно-прекрасной картине. Все божественно и все человечно! Смысл жизни – в самой жизни, в наслаждении ее дарами.

*«Сладко вниманье свое нам склонить к песнопевцу,
который,*

*Слух наш пленяя, богам вдохновеньем высоким
подобен.*

*Я же скажу, что великая нашему сердцу утеха
Видеть, как целой страной обладает веселье, как
всюду*

*Сладко пируют в домах, песнопевцам внимая, как
гости*

*Рядом по чину сидят за столами, и хлебом и мясом
Пышно покрытыми, как из кратер животворный
напиток*

*Льет виночерпий и в кубках его опененных разносит.
Думаю я, что для сердца ничто быть утешней не
может!»¹*

Однако что ж это? Среди прекрасного праздника, каким представляется расцветающая жизнь дивной красавицы Эллады, слышатся глубоко-грустные нотки...

*«Листьям в дубравах древесным подобны сыны
человеков;*

*Ветер одни по земле развеивает, другие дубрава,
Вновь расцветая, рождает; и с новой весной
возрастают.*

*Так ведь и люди: одни нарождаются, те погибают»
2.*

А за гробом – Ахилл желал бы быть лучшим последним рабом на земле... Да, тот же жизнерадостный Гомер говорит, что

*«Из тварей, которые дышат и ползают в прахе,
Истинно в целой вселенной несчастнее нет
человека!»³*

И чем дальше, тем эти нотки звучат все грустнее, пока не

¹ Одиссея. Песнь IX, 2–11

² Ср.: Илиада, VI, 146; XXI, 464.

³ Илиада, XVII, 446.

переходят в вопль полного отчаяния...

«Лучшие совсем не рождаются! А затем – для живущего лучшее благо

Скорей возвратиться туда, откуда пришел он!»⁴

Прошло много веков... Гомеровские пиры отошли давным-давно в область смутных преданий. Вместо героев, увлекавшихся боевой славой и кровавой корыстью, вместо гостей, увенчанных миртом и розами и весело пирующих под звуки музыки, вместо веселых хороводных песен – явились другие люди, с другими стремлениями... Не чарующие дубравы, не светлоструйные ручьи, не изумрудное море, не очаровательные ландшафты веселой Эллады – нет! – ужасающие египетские пустыни, одинокие пещеры – вот что теперь привлекало взоры и внимание целого света. Суровые подвиги воздержания, умерщвление плоти, страшные лишения, слезы сокрушения, непрестанная молитва, отречение от суетных радостей мира – вот что вдохновляло этих новых людей.

Но всмотритесь: зато в них нет и тени той грусти, что омрачала уже веселые песни Гомера. Не ведая радостей мира, они до глубокой старости бодры и радостны духом и твердо знают, что этой радости ничто не отнимет у них, ни даже самая смерть...

Так еще задолго до появления христианских отшельников

⁴ Софокл. Эдип в Колоне, 1225.

человечество глубоко разочаровалось в благах земной жизни. Горькие восклицания: «Суета сует – всё суета!» – слышались во всех концах мира: и на берегах Ганга, и в великом духовном центре тогдашнего образованного мира – в Александрии, и в столице мира. Великий опыт прожитых тысячелетий не пошел бесследно.

Евангелие открыло миру новый, неведомый язычеству смысл жизни. Пред очами души засияла новая красота, пред которой поблекла красота мира сего. В мир явилась Божественная Мудрость, научившая людей жить для смерти и умирать для жизни. Огонь, низведенный Спасителем на землю, огонь любви божественной, – воспламенил новую жизнь в сердцах людей, оживотворил дух в его высших стремлениях, воссоединив с Богом, Источником жизни, – и не было границ самопожертвованию, с каким отдавались первые христиане служению Богу живому, явившемуся во плоти. Полки мучеников, сонмы подвижников, устремившихся в пустыни, чтобы в возможной полноте осуществить святые евангельские заветы, – вот чем истомившееся человечество приветствовало Евангелие!

Тем удивительнее в наши дни слышать искусительные речи о том, что люди, как древле в язычестве, должны позабыть о небе и все свои заботы и труды, все радости и надежды ограничить земной жизнью, что рай надлежит искать там же, где его потеряли, что Царствие Небесное следует создать здесь, на этой бедной и грешной земле, среди этого больного,

расстроенного грехом человечества. А если были времена, когда люди сознавали, что наше житие на небесах есть (Флп. 3, 20), когда, в пламенном стремлении к нетленным сокровищам на небесах (Мф. 19, 2), отрекались от земных радостей и удалялись в пустыни, такие времена обзывают веками мрака, невежества... Не будем удивляться таким речам! Спасаящая сила Божия живет и действует среди тех же сынов Адама, среди того же расстроенного и обессиленного грехом человечества с его глубоким, врожденным ему стремлением к низу, к земле... С грехом, с тяготением к земле мы родимся на свет, и, чтобы ослабить его силу, мы должны вступить в борьбу с ним, войти в *подвиг*, притом – при смиренном сознании собственной немощи, при постоянной молитве о помощи свыше. А это не так легко, как следовать врожденным наклонностям, гнетущим нас к низу, шаг за шагом увлекающим к более и более глубокому падению, пока не ослепнет ум, не заглохнет совесть, не ослабнет воля...

Вот почему долг христианской любви к ближним властно повелевает насколько возможно чаще напоминать людям об их высшем призвании, о том, что *наше житие на небесах есть*. Но чем другим возможно напомнить об этом, как не повествованием о тех, которые всеми силами души отдавались стремлению к высшей духовной жизни, которые решительно и бесповоротно отрекались от мира, от того мира, в котором – *похоть плотская, и похоть очес, и гордость житейская* (1 Ин. 2, 16)? И вот, пользуясь рассказами свиде-

телей-очевидцев, мы войдем вместе с читателем в чудесный мир бесконечного самоотречения, мужественной, не знающей усталости борьбы с плотью, со всеми мирскими вожделениями.

Прирожденная нам любовь к миру и его наслаждениям снова возвышает свой голос. «Зачем нам читать об отшельниках, удалявшихся от мира в пустыню? Это чтение полезно инокам. А мы живем в миру, с людьми. Возможно ли нам руководствоваться примерами пустынножителей?» Братие, понимаете ли вы, что говорите? Разве иноки не такие же христиане, как и миряне? Разве они имеют в виду что-нибудь другое, кроме исполнения воли Божией? Не стремятся ли они к достижению блаженства Вечной жизни, что составляет главную цель жизни каждого истинного христианина? Иночество имеет свой корень в самой сущности христианства. Христианство не требует ли от нас отречения от своей грешной воли, от плотских вожделений, от привязанности к миру и его благам? (Лк. 14, 26–27, 33). Воистину наша земная жизнь есть великая школа, приготавливающая нас к жизни вечной. Мы слишком привязаны к радостям земным, до забвения Бога и Вечной жизни. Мы слишком самолюбивы и горды. Но сама же земная жизнь разбивает вдребезги наши земные надежды. Нам посылаются грозные уроки: мы теряем богатство, мы подвергаемся болезням, нас постигают тяжкие неудачи, приносящие горькое разочарование в своих силах, безжалостная смерть похищает у нас самых близких,

дорогих нам людей, наконец, вместе с пробивающейся сединой не напоминает ли нам о своем приближении неминуемая страшная гостья, которая возьмет нас и поведет в страну вечности, не дозволив взять решительно ничего из тех благ, которые возлюбило привязчивое сердце? О, если бы мы, в виду зияющей могилы, нашли в себе силы всем существом отречься от мира и его утех! Но то, что выносит христианин из опыта всей своей жизни, то сознание тщеты своих земных привязанностей, которое посещает его в виду близкой смерти, овладевает людьми, чуткими к зову благодати Божией, задолго до кончины, – они добровольно решаются умереть для мира гораздо раньше, чем смерть решительным и беспощадным ударом рассекает все нити, привязывающие нас к миру, под старость уже немногие нити, уже слабые нити, за которые, однако, тем крепче цепляются неисправимые миролюбцы. Тот великий подвиг самоотречения, который обязателен для каждого христианина, святые отшельники совершали задолго до той грозной минуты, которая разом отнимет у нас то, чего мы в своем греховном самолюбии не желали отдать добровольно... Воистину, святые отшельники не более, как наши старшие и более мудрые братья, которые своим могучим подвигом указывают нам единственно спасительный путь, с которого мы то и дело сбиваемся и блуждаем по распутьям, грозящим нам бездной вечной гибели.

В 403 году в Риме грандиозными зрелищами праздновали отражение вестготов. Давно уже и философы, и моралисты,

и ораторы восставали против свирепой забавы – пролития крови человеческой на гладиаторских играх, давно гремели против них церковные проповедники, но всё было тщетно. Несколько сот, а может быть, и тысяч несчастных все еще убивались ежегодно в проклятой потехе. На этот раз христианский поэт Пруденций обратился к Гонорию с трогательным стихотворением, умоляя отменить кровожадную потеху. Напрасно! Мало того, придуманы были самые дикие, самые сумасбродные способы, чтобы придать еще более ужа-сающей возбужденности кровавым играм.

Громадный амфитеатр полон беснующегося народа; вот с налившимися кровью и как бы вырывающимися из своих орбит глазами, неистово жестикулируя, ударяя себя в грудь, наклоняясь вперед и простирая руки, крича изо всех сил, зрители соскакивают с мест, скрежещут зубами, грозятся и плачут, проклинаяют и с адским хохотом падают в обморок... А на сцене под резко пронзительные звуки музыки льется человеческая кровь, раздаются стоны раненых и умирающих... Но вдруг... Вдруг происходит нечто совершенно неожиданное – такое, что уж вовсе не входило в программу игр. Бедно одетый человек бросается в середину гладиаторов и начинает молча разнимать их... Толпа мгновенно притихла, пораженная неожиданностью явления, и среди внезапно наступившей тишины пронеслись огненные слова обличения. Невозможно изобразить, что произошло потом. Весь амфитеатр точно взревел одним адским криком негодования, забуше-

вал ужасный ураган злобы и бешенства, и огромная толпа, как бурный поток раскаленной лавы, хлынула на арену, напоминая вполне разъяренных зверей. Трудно разобрать, что происходило в этом хаосе... Но когда толпа отхлынула, на арене остался один растерзанный труп. То был св. Телемах, восточный отшельник. Народ оцепенел от ужаса. Гонорий поспешил издать законы, навсегда отменившие позор человечества – кровавые жертвоприношения...

Можно жить в многолюднейшем городе и быть совершенно чуждым своим ближним, можно равнодушно смотреть на страдания брата и, наоборот, живя в пустыне, можно быть соединенным с людьми неразрывными узами братской любви. Любовь – по преимуществу сила, действующая на расстояния. Ей нет преград...

Так, уединение от мира вовсе не значит отделения, отчуждения от людей.

Не один Моисей всходил на страшные высоты Синая и сходил оттуда просветленным неземным сиянием, со скрижалями Завета в руках. Высоты уединения – да не есть ли это удел исполинов мысли, величайших и благороднейших представителей человечества, равно как и подвижников христианства? Не стоят ли они всегда выше и часто вне и даже в удалении от современной среды, непонимаемые и часто гонимые современниками? В том-то и состоит их безграничное величие, что они не рабы ни духа времени, ни народа, ни общепринятого строя жизни, ни общественного мнения,

а, напротив, обладают безграничной энергией и силой духа – стать вне среды, чтобы тем сильнее воздействовать на ту же среду. В страшных пустынях, в углублении в себя в них разгорался внутренний огонь, и они говорили огненным языком, глаголом жгли сердца людей... В уединении они познавали глубочайшие тайны бытия; незримый мир становился для них осязаемой действительностью... Да даже и без слов: опаленное солнцем лицо, глубокий и в то же время вдохновенный взгляд, власяница – словом, весь внешний вид великого аскета, все это открывало людям, что пред ними человек, настоящий человек, во всем величии освобожденной от страстей природы и непоколебимой силы, который, подобно великому первообразу всех аскетов, безбоязненно может предстать пред Ахавами и Иезавелями... Да, великие подвижники уходили из мира и всходили на высоты уединения, на небо безмолвия, но ведь благодаря этому они стали видимы миру, услышаны миром. Их уединение – их всемирная кафедра... Не составляют ли имена многих выдающихся деятелей IV и V века теперь лишь достояние историков-специалистов, между тем как подвиги, творения, задушевные думы и молитвы великих подвижников ведомы если не всем, то хотя нескольким чуть не в каждой русской деревне!

Что же побуждало святых отшельников оставлять города и удаляться в пустыню?

Христиане первых веков дышали одним чувством, которого никакие слова не в состоянии описать, до того завла-

девающим и поглощающим их внутреннего человека, что они могли повторять слова Апостола: уже не я живу, но живет во мне Христос! Станет ли кто оспаривать тот грустный факт, что та непосредственная любовь ко Христу, которую так живо ощущали первые христиане, теперь явление довольно редкое? Часто ли мы встретим то огненное чувство, которое дышит, например, в словах мученика, которого христиане-братья пытались было спасти от смерти? «Умоляю вас, не оказывайте мне неуместной любви. Оставьте меня сделаться пищей зверей... Простите меня, я сам знаю, что для меня полезно. Ни видимое, ни невидимое – ничто не удержит меня прийти ко Христу. Огонь и крест, толпы зверей, рассечение, расторжение, раздробление костей, отсечение членов, сокрушение всего тела, все лютые муки диавола пусть придут на меня, чтобы только мне достигнуть Христа! Его ищу, умершего за нас, Его желаю, за нас воскресшего... Хочу быть Божиим – не отдавайте меня миру. Пустите меня к чистому Свету... Живой пишу вам, горя желанием смерти!...» Но ведь подвижничество первых веков по своему внутреннему значению – не более как продолжение подвига святых страдальцев за веру во Христа. Не забудем, что для древних христиан быть христианином значило быть святым, равно как грех отождествлялся с язычеством. Вместе с торжеством христианства кончилась брань с внешним врагом, но этот враг, по-видимому сраженный, вновь ожил с ужасающей силой в недрах самой Церкви – в глубокой нравствен-

ной порче. Гладиаторские игры давались при Гонории, сыне благочестивого Феодосия. Евдоксия, подобно древним римским императорам, воздвигала свою языческую статую, будучи женой другого его сына... И вот открылась новая борьба с ожившим язычеством или, лучше сказать, продолжилась в другом виде прежняя. Явился христианский аскетизм. И тут и там в основе – одно и то же пламенное желание подвига, как живое выражение пламенной любви ко Христу. Подобно апокалиптической жене, подвижники бежали в пустыни, чтобы сохранить святое семя во всей чистоте и возродить к новой жизни свежие силами варварские народы, так как старые меха – одряхлевший античный мир – не вмещали уже более нового вина...

Дивная, вовеки незабвенная эпоха, когда взор христиан все еще как бы провожал восходившего на небо Господа и горел отблеском Его славы!

Не будем много распространяться о высших ступенях христианского аскетизма, когда после великой борьбы освобожденный от страстей дух исполнялся волнами благодати Божией и получал власть, как высшая из всех сил, над природой, совершал чудотворения, сподоблялся дара пророчеств, откровения тайн незримого мира и прочее и прочее. Обо всем этом поведаст читателю предлагаемое творение церковного историка.

Введение

I. Христианские подвижники до святых Павла и Антония

Чтобы окончательно убедиться в том, что иночество глубоко коренится в духе и сущности христианства, стоит только раскрыть правдивые сказания лет древних, и мы увидим, что иночество началось вместе с проповедью Евангелия, что с самого начала христианства души, наиболее верные Евангелию, избирали путь отречения от мира и мирских привязанностей. *Преподобные* явились на земле в лице тех, кто всеми силами души стремились *уподобиться* сладчайшему Иисусу.

Отшельничество представляется прежде всего как дело необходимости для тех, кто жаждет полного и нераздельного, ничем не смущаемого служения Господу. «Не на всяком ли месте можно поставлять Ему обитель в душе и поклоняться Ему духом и истиной? – спрашивает святитель Филарет, митрополит Московский. – *На всяком месте владычества Его благослови душе моя Господа!* (Пс. 102, 22). Но что делать, если сие благословенное приглашение всюду и всегда благословлять Господа без успеха я повторяю душе

моей оттого, что мир в то же время оглашает и оглушает ее своими разнообразными гласами требований, прещений, прельщений, смущения, развлечения, нужд, забот, похотей и она не находит довольно силы противоборствовать им или, утомленная сим противоборством, жаждет приблизиться к Богу без препятствий со стороны тварей и служить Ему без развлечения? В сем случае не остается иного, как расторгнуть всякие узы, привязывающие к миру, бежать из него, как из Египта, как из Содома, и учредить для себя в пустыне новое жительство добровольного изгнанничества, в котором бы всё окружающее говорило нам, *яко не имамы zde пребывающаго града, но грядущаго взыскуем* (Евр. 13, 4)».

Вот почему еще в Ветхом Завете встречаются следы монашества. Таковы были назореи, посвящавшие себя Богу по особенному обету на время или на всю жизнь; рехабиты, жившие в палатках и отрекавшиеся от имущества. Таковы были Илия, Елисей, сыны пророческие, соблюдавшие целомудрие и нестяжательность и жившие в пустынях; таковы были все те, которые, по слову Апостола, скитались в милотях⁵ и козых кожах, терпя недостатки, бедствия, озлобления; те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли (Евр. 11, 37–38); таков был и Предтеча Господень.

Но в полном совершенстве иночество раскрылось только в Новом Завете. По словам аввы Пиаммона, новозавет-

⁵ *Милоть* – овчина, кожух.

ное иночество ведет свое начало от самих Апостолов. Таким вначале было и все множество первых уверовавших во Христа⁶. Свт. Василий Великий в самом обществе Господа Иисуса Христа и Апостолов видит первообраз иночества...⁷ Действительно, некоторые из апостолов, не вступившие в брак до своего призвания к апостольству, остались навсегда девственниками: св. Иаков, брат Господень, сыны Зеведеевы – Иоанн и Иаков и апостол Павел⁸. Ученики св. апостола Павла Тит и Тимофей, подобно своему наставнику оставшись безбрачными, всецело посвятили себя на служение Господу⁹. Дщери перводиаконов Филиппа и Николая пребывали в девстве¹⁰. Климент, ученик апостольский, писал уже окружные послания к девственницам...¹¹ С самых времен апостольских идет почти непрерывный ряд свидетельств церковных писателей о девственниках и девственницах. Св. Игнатий, св. Иустин мученик, апологеты Афинагор и Минуций Феликс, Ориген, Тертуллиан, св. Мефодий Тирский, св. Киприан говорят нам о существовании в древней Церкви по движников и подвижниц, отрекавшихся от мира для нераздель-

⁶ Кассиан. 18. Собеседование V.

⁷ Подвижнические уставы. Гл. 18, 428; 22, 450.

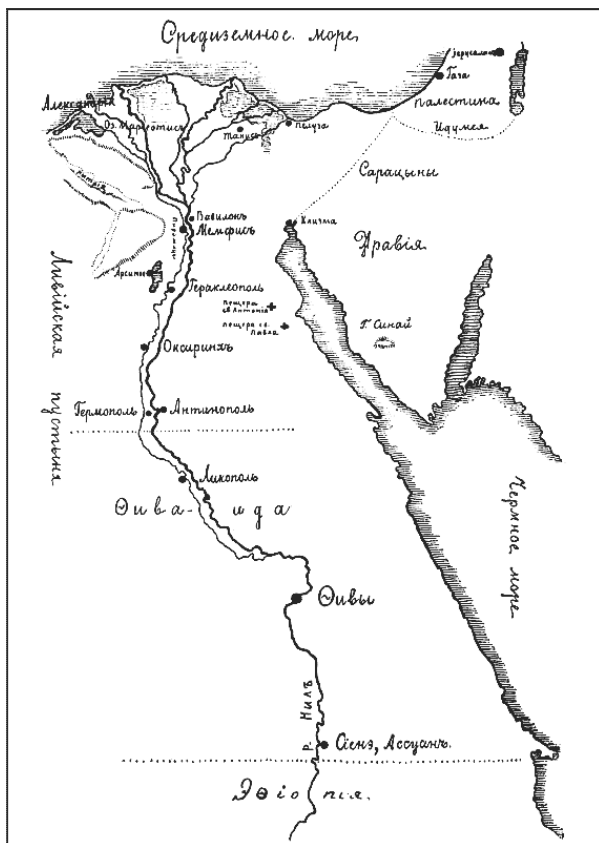
⁸ Об Иакове, брате Господнем, см.: у Егезиппа Ap. Evseb. Hist. Eccles. Lib. 2. 23); у Иеронима (Contra Iovianum). О сынах Зеведея см.: у Иеронима (Contra Vigilantium. Lib. 1, 26); у св. Епифания (Adv. Haeres. 58. 4. 78, 13).

⁹ Иероним. Ad. Tit. 2, 7. Антиох монах. Nom. 112.

¹⁰ См. у Евсевия: История Церкви. Lib. III, 29, 31.

¹¹ Иероним I, 1. Contra Iovianum. Епифаний. Haeres. 30, 15.

ного служения Господу¹².

Карта Египта IV века

¹² Игнатий. Послание к Поликарпу V. Иустин Аполг. § 18. Legatio pro Christ. 38. Остав. 31. Тертуллиан. Ad хorem. I, 1, 4, 6 и т. д.

После апостолов из подвижников и подвижниц первого века нам известны: святые *Фекла, Зинаида и Филонида, Евдокия и Телесфор*.

Св. Фекла, после проповеди апостола Павла и Варнавы в Иконии уверовав в Господа, оставила своего жениха. После чудесного избавления от огня в Иконии и зверей в Антиохии, с благословения апостола Павла, «иде в Селевкию и вселися в пустем месте на некоей горе близ Селевкии и тамо живяше в посте, и молитвах, и богомыслии», – до 90 лет своей жизни. Память ее 24 сентября.

Святые Зинаида и Фелонида были сродницами апостола Павла. «Оставльше своя стяжания и всего отрешесея мира», они пришли в Фиваиду и там близ города Димитриады «в некоем вертепе житие свое провождаху». Язычники, «нощию нападше, камением побиша их, и тако блаженным сном уснуша»... Память их 11 октября.

Святая Евдокия прежде была блудницей в Илиополе и обладала огромным богатством. Ее обратил ко Христу «инок некий, именем Герман», который в своей обители «имяше братий семьдесят иноков». Искренне раскаявшись, св. Евдокия в Святом Крещении возродилась (в 96 году) к новой жизни и, раздав все свои сокровища, вступила «в монастырь девическ, в пустыни». Скончалась мученической смертью уже в 152 году, прожив царствования Домициана, Нервы, Траяна, Адриана и Антонина. Память ее 1 марта.

Святой Телесфор проводил до своего избрания в папы отшельническую жизнь. Скончался мученической смертью (128–139 годы).

Из второго века известны своей подвижнической жизнью: *святая Фронтон* имевший под своим руководством до 70 иноков и построивший монастырь в пустыне Нитрийской; *св. Параскева*, раздавшая по кончине родителей все имущество и принявшая иноческий чин, впоследствии пострадавшая за Христа; *св. Наркисс*, епископ Иерусалимский. Оставивши престол, он удалился в пустыню, где и пробыл до конца дней своих в подвигах иноческих. *Св. Евгения*, римлянка, дочь наместника александрийского, в царствование императора Коммода, обратившись ко Христу чтением Священного Писания, тайно удалилась из дома родительского и по дороге встретила обитель. Ее сопровождали евнухи Протасий и Иакинф. «Слышу, яко Елий, епископ христианский, – сказала она слугам, – созда зде монастырь, в немже черноризцы непрестанно во дни и нощи хвалят Бога песньми». Увидав Елия, посещавшего монастырь, она приняла Святое Крещение вместе с евнухами. Переодетая в мужскую одежду, Евгения принята была в мужской монастырь, «юноши подобна одеянием и остриженными власы». «В монастыре живяше, добре иночествуя и работая Богу». Избранная по смерти аввы в настоятели, она подверглась низкой клевете. Явившись на суд к наместнику Филиппу, своему отцу, она открыла ему свой пол и происхождение. Впоследствии основала женский

монастырь, в котором была настоятельницей. Жизнь свою окончила мученически. Память ее 24 декабря.

В III веке прославился своими подвигами *св. Никон*. Родом из Неаполя, он после Святого Крещения отплыл на остров Хиос, где на горе Ганос был крещен епископом Кизическим Феодосием, укрывавшимся в пещерах от гонения со множеством иноков. «По приятии крещения святого блаженный Никон живяше в пещерном том монастыре, учася божественным книгам и иноческому присматриваяся житию: таже и сам облечен бысть во иноческий образ кротости ради своей». Пред кончиной Феодосий поставил его во епископа. После того св. Никон, «всех монахов поемши», отплыл в Сицилию и высадился близ горы Тавроменийской. Там при речке Азинос он нашел «место безмолвно и красно», где и продолжал свои подвиги. Скончался мученически. Память его 23 марта.

Святые *Галактион* и *Епистима* – из г. Емеса в Финикии. Св. Галактион, будучи христианином, по воле родителей был обручен с язычницей Епистимой. Обратив ее ко Христу, он убедил ее вести девственную жизнь. Ночью они удалились из дома и пришли к Синаю, и там близ горы Публиона Галактион вступил в мужской монастырь, а Епистима – в женский. «Подвиги его и труды кто изрещи может? Никогда не виден бысть празден, но или делаше, что монастырю потребно, или моляшеся; пост его бе безмерен, иногда бо во всю седмицу не вкуси. Толикий же целомудрия и чистоты своя

бе хранитель, яко во вся лета постничества своего соблюда-
шеся опасно, да не видит лица женска...» Впоследствии Га-
лактион и Епистима сподобились мученического венца. Па-
мять их 5 ноября.

Св. Пансофий, родом из Александрии, по смерти отца сво-
его Антипата раздав все свое имущество, удалился в пусты-
ню. Скончался мучеником в царствование Декия. Память
его 15 января. В то же царствование пострадал за Христа
инок диакон *Авив*. Память 6 сентября.

Св. Анастасия Римляныня. Близ Рима «на уединенном и
неизвестном» месте находился женский монастырь. Круглой
сиротой Анастасия трех лет была взята на воспитание игу-
менией Софией. Она выросла красавицей, но, «вся уметы
вменивши, уневестися Христу и день и ночь в молитвах слу-
жаше». На 21 году от роду скончалась мученически. Память
ее 29 октября.

Св. мученик Моисей удалился в пустыню Раифскую в 233
году и там застал уже пустынных. В конце третьего века
в Раифе и Синае было уже много пустынножителей. Египет-
ский инок Аммоний, описавший в качестве очевидца изби-
ение их сарацинами, говорит, что между ними были такие,
которые подвизались по 70 лет в тех местах. Они жили в пе-
щерах и одиноких кельях. По воскресеньям собирались для
богослужения и принятия Святых Тайн и затем снова расхо-
дились. Память их 14 января.

Ручейки, сливаясь вместе, образуют большую и многовод-

ную реку, приносящую благоденствие целой стране, по которой протекает. Отдельны друг от друга и потому мало заметны были первые проявления иночества в разных странах древнего мира. Но с начала IV столетия иночество является пред нами уже во всем своем величии, как могучее и святое учреждение христианства, с тех пор оказывавшее уже неотразимое влияние на жизнь всего христианского мира. Вот почему первоначальными основателями пустынножительства считаются святые *Павел Фивейский* и *Антоний Великий*, но не они были первыми иноками в мире... Предлагаем о них более подробные сказания.

II. Святой Павел Фивейский

Страшен безжизненный и однообразный вид африканских пустынь! Огромные пространства то перерезаны глубокими ущельями и серыми скалами, то представляют безбрежные, засыпанные желтым песком равнины... Тишина и мертвенность кругом, нарушаемая лишь ревом диких зверей или при ветре высоко воздымающимися столбами песка, которые при ярком освещении солнца кажутся огненными и с невообразимой быстротой носятся по безбрежному песчаному морю... И круглый год пылает здесь жаркое солнце, иссушая воздух и раскаляя пески и скалы. Лишь изредка попадаются счастливые местности, орошаемые ключом, пробившимся из скалы. Пальмы, выросшие вокруг, и кусты мимоз защищают благодетельную влагу и веселят своей зеленью взор, утомленный страшным однообразием пустыни.

Не в далеком расстоянии от Чермного моря, среди необычайно пустынной местности, почти на тысячу футов над уровнем моря возвышается дикая скала. С вершины ее открывается величественный вид: Хорив и Синай, горы Фиваиды, бесконечные бесплодные равнины, зеленая лента Египетской долины, орошаемой Нилом, – вот что представляет здесь кругозор. У подошвы скалы пробивался небольшой ручей, скрывавшийся под зеленью пальм и кустарников. Здесь-то уже долгие годы подвизался великий Антоний, прослав-

ленный Богом дарами чудотворения и духовной прозорливости¹³. И пришло ему однажды на мысль: «Нет другого отшельника в этой пустыне, кроме меня!» Но в ту же ночь ему было откровение свыше, что в самом отделенном краю пустыни живет другой отшельник, гораздо более совершенный, чем он.

– Верую Богу моему! – воскликнул Антоний, восстав от сна. Он покажет мне раба Своего, которого явил мне ночью...

Взяв свой посох, девяностолетний старец, уже семьдесят лет подвизавшийся в пустыне, бодро отправился в путь. И чем далее шел он, тем страшнее становилась пустыня и тем чаще попадались следы диких зверей. Целый день идет подвижник. Вот ночь покрыла его, и ярко засияли звезды в прозрачном воздухе... Настало утро, и другой день уже склонился к вечеру... Антоний все еще идет, не чувствуя утомления, подкрепляемый высшей силой. Настал третий день, и в час утренней молитвы путник заметил гиену, которая мчалась по направлению к пещере. Антоний пошел за зверем: внутренний голос сказал ему, что зверь укажет ему жилище отшельника, и он возрадовался духом. Подойдя к пещере, Антоний заглянул внутрь, но вследствие царившего там мрака ничего не мог различить. Постояв немного, чтобы перевести дух, он начал ощупью продвигаться понемногу вперед, пока наконец заметил вдали слабое мерцание света.

¹³ Vita Sancti Hilarii. Cap. 26.

В радости он ускорил шаги, но споткнулся о камни. Ощувив приход путника, отшельник затворил дверь. Приблизясь к ней, Антоний постучал, но ответа не было. Стучал еще и еще, но – без успеха. Повергшись на землю у самого порога пещеры, Антоний долго молил неизвестного отшельника пустить его к себе.

Вид пустыни

– Откуда ты? – послышался голос изнутри пещеры. – Зачем пришел сюда?

– О, я знаю, – воскликнул Антоний, – что я недостойн видеть тебя. Но если ты не отвергаешь диких зверей, то неужели не примешь человека? Я долго искал тебя и нашел: скорее умру здесь, у порога твоего, и ты похоронишь меня...

– Никто не просит с угрозами...

С этими словами пещера открылась. И два ветхие старца бросились в братские объятия друг другу.

– Антоний! – воскликнул Павел.

– Павел! – сказал в ответ ему Антоний.

Сам Господь открыл им имена друг друга.

Горячо приветствовав своего гостя, Павел сел с ним у источника чистой воды под тенью склонившихся пальм.

– Зачем ты предпринял столь великий подвиг? Ужели для того только, чтобы взглянуть на ветхого, полуистлевшего старика, который на твоих глазах может рассыпаться в прах?

Антоний с радостным изумлением молча взирал на дивного пустытника. Целых девяносто лет уже прожил Павел в пустыне, не видя никого из людей, не слыша живого говора людского.

– Скажи мне, как живет род человеческий? Строятся ли еще новые здания в древних городах? Кто теперь и как управляет миром? Осталось ли идолопоклонство?

Вдруг у ног старца опустился ворон и положил хлеб.

– Вот Господь устроил нам и трапезу, – сказал Павел. – Воистину Он щедр и милостив! Семьдесят четыре года получаю я ежедневно по половине хлеба, а ныне, ради твоего посещения, Христос удвоил жалование Своим воинам...

Старцы расположились у источника для вкушения скромной трапезы. И начал Павел свой дивный рассказ...

Павел родился в нижней Фиваиде около 228 года по Рождестве Христовом в царствование Александра Севера (222–235). Родители его, ревностные христиане, воспитали его в духе христианского благочестия. Обладая значительными средствами, они постарались дать и научное образование, познакомив сына с сокровищами греческой и римской образованности, но светские науки не отвлекли юношу от «единого на потребу», не погасили ревности о спасении души и очищении сердца. Рано почувствовал юный Павел в душе своей равнодушие к благам мира и стремление к свободе духа от уз житейских... Родители его умерли, когда ему было не более 15 лет от роду. Пред своей кончиной они разделили свое большое имущество между Павлом и его старшей сестрой, которая была уже замужем. Около этого времени открылось жестокое гонение на христиан, свирепствовавшее во времена Декия (249–251) и Валериана (253–259). С особенно ужасной силой разразилось оно в Египте и Фиваиде. Св. Павел, насмотревшись на ужасы мучений, рассудил не подвергать себя опасности и укрыться, пока пройдет гроза.

Не по равнодушию к вере, не из страха смерти так поступил он: его глубокое смирение побудило его не стремиться к венцу мученичества с неокрепшими силами, а может быть, и перст Господень, располагающий и внешнее, как и внутреннее, в душе верных рабов Своих, указал ему иное призывание...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.